

# СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (1978—2002 гг.)\*



**Иван Валерьевич СТАВРОВ,**  
кандидат исторических наук,  
Институт истории ДВО РАН

Одной из причин необходимости проведения реформ в КНР стало катастрофическое снижение уровня жизни населения, последовавшее в результате социальных экспериментов «культурной революции», которое могло привести к дестабилизации правящего режима. На протяжении последней четверти XX в. в Китае произошли значительные изменения в экономическом развитии, смысл которого заключался в достижении социального прогресса, т.е. в повышении качества жизни населения.

В марте 1979 г. на совещании по теоретической работе в партии Дэн Сяопин определил главную социальную проблему, стоявшую в китайском обществе, — противоречие между неразвитостью производительных сил и удовлетворением потребностей населения<sup>1</sup>. В докладе XII съезду партии Ху Яобан указал на необходимость увеличения ВВП страны к 2000 г. в 4 раза, в результате доходы городского и сельского населения должны возрасти минимум в два раза. Он призвал делегатов съезда активно проводить политику партии в области планирования рождаемости, так как быстрый прирост населения скажется на снижении среднего дохода на душу населения: «...в ходе нашего экономического и социального развития демографический вопрос от начала и до конца является исключительно важной проблемой»<sup>2</sup>.

На съезде поднимались вопросы занятости и уровня жизни населения. Лидер партии решение этой проблемы видел в развитии трудоемких отраслей, таких как горное дело, транспортное строительство, и др. Поднятие уровня жизни генсек поставил в зависимость от роста производительных сил, при этом отметил, что «рост средних доходов рабочих и служащих может идти лишь медленнее, чем рост производительности труда»<sup>3</sup>. На XIII съезде КПК были подтверждены высказанные ранее тезисы<sup>4</sup>.

В 1980-е годы обсуждался вопрос о диспропорциях социально-экономического развития регионов страны. Дэн Сяопин высказал мысль, что

\* Работа подготовлена при поддержке грантов РГНФ, проект № 05-01-01289а и Президиума ДВО РАН, проект № 06-III-A-11-440.

некоторые из них могут стать более зажиточными раньше других<sup>5</sup>. Это положение было включено в материалы XIII съезда КПК. На XIV съезде Цзян Цзэминь, подводя итоги четырнадцатилетней практики реформ, дополнил эту мысль тезисом о том, что ряд людей может прийти к зажиточной жизни раньше других<sup>6</sup>. Несоразмерность экономического роста в восточных и западных районах страны привела, по меткому выражению Ху Аньгана, к появлению в Китае нескольких миров<sup>7</sup>; усилилась социальная дифференциация общества. Такая ситуация требовала разработки и реализации комплекса мер для выравнивания экономического развития регионов страны.

На XIV съезде впервые были четко обозначены задачи в области социального обеспечения. Цзян Цзэминь, во-первых, указал на необходимость реформирования системы начисления заработной платы, «...постепенно вводя порядок оплаты труда и механизм ее нормального роста в соответствии с особенностью предприятий»; во-вторых, потребовал ускорить создание системы социального обеспечения, «охватывающей трудоустройство, обеспечение старости и медицинскую помощь»; в-третьих, активно продвигать реформу жилищной системы в городах<sup>8</sup>.

Важное заявление содержалось в докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК. Создание системы социального обеспечения, согласующейся с уровнем экономического развития, он назвал важным залогом «...социальной стабильности и продолжительного спокойствия страны». Одновременно были даны указания по развитию системы пенсионного и медицинского страхования, страхования от безработицы и др.<sup>9</sup>

Таким образом, материалы съездов КПК, выступления партийно-государственного руководства КНР свидетельствуют, что главными проблемами социального развития страны власти Китая считали:

- значительный демографический рост;
- занятость населения;
- разрыв в доходах между городом и деревней, а также поляризация общества;
- трудности в организации системы социальной защиты и социального обеспечения населения, соответствующей современному уровню развития Китая;
- низкое качество жизни<sup>10</sup>.

Все вышеперечисленные проблемы, присущие китайскому обществу, с особой остротой ощущались в национальных районах КНР.

Согласно переписям населения 1982, 1990 и 2000 гг. численность неханьских национальностей Северо-Восточного Китая составляла соответственно 6,35, 10,68 и 10,94 млн. чел. За период реформ численность неханьского населения Дунбэя увеличилась в 1,72 раза; в пров. Ляонин проживала самая большая группа национальных меньшинств — 6,71 млн. чел.; наименьшая — в пров. Хэйлунцзян — 1,77 млн. чел. (2000 г.). Доля неханьских национальностей в общей совокупности населения территорий за 1980—2000-е годы росла главным образом в пров. Ляонин (8,15% в 1982, 15,62% в 1990 и 16,06% в 2000 г.), в остальных провинциях

наблюдалось колебание от повышения до понижения доли неханьского населения. Сокращение доли национальных меньшинств вызвано, с одной стороны, быстрым ростом населения провинции, а с другой — малочисленностью самих национальностей. Население каждой из трех северо-восточных провинций представлено почти всеми национальностями Китая (всего их 56), но крупнейшими из них являлись маньчжуры, монголы, корейцы и дагуры (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности коренных национальностей Северо-Восточного Китая (1953—2000 гг.), тыс. чел.**

Национальность	1953	1964	1982	1990	2000	Рост, в %, 1953=100
Монголы	1 451,03	1 965,76	3 411,36	4 802,40	5 813,94	400,67
Корейцы	1 111,27	1 339,56	1 765,20	1 923,36	1 923,84	173,12
Маньчжуры	2 399,22	2 695,67	4 304,98	9 846,77	10 682,26	445,23
Дагуры	—	63,39	94,12	121,46	132,39	208,84
Сибо	19,02	33,43	83,68	172,93	188,82	992,74
Эвенки	4,95	9,68	19,39	26,37	30,50	616,16
Орочоны	2,26	2,70	4,10	7,0	8,19	362,38
Хэчжэ	—	0,71	1,48	4,25	4,64	653,52
Русские	22,65	1,32	2,91	13,50	15,60	-31,13

Таблица составлена автором на основе: Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004). Пекин, 2004. С. 487—488.

Данные таблицы показывают значительный рост некоторых национальностей с 1982 по 1990 г.: численность маньчжуров возросла в 2,28 раза, сибо — 2,06, хэчжэ — 2,87 и русских — в 4,63 раза. Такой значительный прирост, называемый некоторыми западными учеными «взрывной этничностью»<sup>11</sup>, не может быть объяснен естественными причинами. Американский демограф Дж. Эйрд, изучавший материалы переписи, пришел к выводу, что увеличение доли неханьских народов произошло в результате действий властей по восстановлению национального статуса населения. В частности, накануне переписи 1982 г. Комитетом по делам национальностей был издан циркуляр «О принципах восстановления и исправления национального статуса»<sup>12</sup>. Тем не менее, меры, предпринятые властями, сказались лишь на результатах всекитайской переписи 1990 г.

Восстановление национальной принадлежности происходило главным образом в результате нормализации национальной политики и сферы межнациональных отношений. Еще один фактор, вызвавший рост населения из числа национальных меньшинств Северо-Восточного Китая, связан с причислением детей от межнациональных браков к неханьцам, что происходило ввиду наличия у национальных меньшинств определенных привилегий по трудоустройству, а также «...льготы при установлении правил планирования семьи»<sup>13</sup>.

Как отмечалось партийно-государственным руководством КНР, демографическое давление — главный сдерживающий фактор на пути социального прогресса в Китае. Руководство страны в период с 1978 по 2002 г. проводило жесткую демографическую политику ограничения рождаемости под лозунгом «одна семья — один ребенок». Тем не менее, национальные

меньшинства пользовались определенными преимуществами, в отношении их проводилась дифференцированная политика. Все национальности страны были разделены на несколько групп с разными правилами. К первой группе народов относились национальности, число которых превышало 10 млн. чел. К этой категории применялись такие же правила, как и к ханьскому населению (например, чжуаны и с недавних пор маньчжуры), т.е. семья могла иметь только одного ребенка. К следующей группе были отнесены народы, чья численность не превышала 10 млн. чел., им разрешалось иметь по двое детей. Национальностям из приграничных и скотоводческих районов позволялось иметь троих детей. Представители четвертой группы с населением менее 50 тыс. чел. могли иметь по четыре ребенка, а на народы, численность которых была незначительной, политика ограничения рождаемости вовсе не распространялась<sup>14</sup>.

Льготы по планированию семьи для национальных меньшинств сказывались на соотношении численности ханьцев и неханьцев. За период с 1990 по 2000 г. доля этнических меньшинств возросла почти на 1% (с 8,09 до 8,98%), что приводило к усложнению социально-экономической обстановки в национальных районах. Еще в середине 80-х годов XX в. китайскими учеными делался прогноз относительно численности меньшинств при средней рождаемости 3—4 ребенка<sup>15</sup>. Действия центральных и местных властей рассчитаны на недопущение неконтролируемого роста населения из числа национальных меньшинств, в частности, на живущих в городах неханьцев привилегии не распространялись. Тезис о необходимости проведения мероприятий по ограничению рождаемости среди неханьцев был закреплен в принятом 29 декабря 2001 г. «Закоме КНР о народонаселении и планировании рождаемости». В статье 18 Закона говорится, что «национальные меньшинства должны также проводить планирование рождаемости, конкретные положения устанавливаются народными собраниями провинций, автономных районов, городов центрального подчинения или их постоянными комитетами»<sup>16</sup>.

Реализация демографической политики в национальных районах Северо-Восточного Китая привела к тому, что коэффициент воспроизводства в Яньбяне упал с 11,9‰ в 1978 г. и 12,8‰ в 1980 г. до 0,58‰ в 2003 г. Таким образом, можно констатировать явление депопуляции в национальном районе. Снижение рождаемости среди корейцев и других национальностей определялось несколькими факторами.

Во-первых, изменения демографического поведения, вызванные ускоренной урбанизацией. Соотношение городского (включая поселковое) и сельского населения в округе в 1978 составило 47,88% и 52,12%, а в 1997 г. — 95,17% и 4,83%, что произошло, с одной стороны, в результате развития промышленности и третьей сферы и миграции сельского населения в более крупные населенные пункты, с другой — превращение деревень в поселки и города, а городские семьи, как правило, склонны иметь меньше детей.

Во-вторых, действие ограничений, связанных с реализацией демографической политики. Этот фактор не может быть признан ведущим, так

как в 1980-х годах власти провинций Цзилинь и Ляонин предоставляли, например, право обзаводиться вторым ребенком супругам, состоявшим в смешанном браке<sup>17</sup>; можно упомянуть и известные трудности по проведению курса на однодетность в сельской местности<sup>18</sup>.

В-третьих, сокращение населения в связи с миграцией за пределы округа. По сообщениям различных источников можно составить определенное представление о масштабах перемещений корейцев. Так, корейское население Пекина увеличилось с 7,68 тыс. в 1990 г. до 60 тыс. в 1996 г. и до 80 тыс. в 1999 г. Число корейцев, переселившихся в прибрежные города пров. Ляонин в 1990-е годы, составило более 70 тыс. чел. (источники не содержат информации о месте исхода)<sup>19</sup>.

Материалы переписей свидетельствуют о постепенном увеличении доли пожилого населения и сокращении молодежи среди национальных меньшинств (см. табл. 2). Особенно это проявилось среди корейцев

Таблица 2

**Распределение коренных национальностей Северо-Восточного Китая по возрасту (1990—2000 гг.), в %**

Национальность	0—14		15—59		60—64		Свыше 65	
	2000	1990	2000	1990	2000	1990	2000	1990
Монголы	27,03	35,82	66,58	59,07	6,39	5,11	3,96	3,08
Корейцы	15,79	24,74	72,71	67,91	11,50	7,35	7,02	4,59
Маньчжуры	23,99	30,78	67,68	62,69	8,33	6,53	5,64	4,11
Дагуры	27,44	35,94	66,98	59,48	5,58	4,58	3,25	2,68
Сибо	27,26	34,37	65,93	60,20	6,80	5,43	4,44	3,45
Эвенки	31,69	41,59	61,96	52,27	6,35	6,14	4,20	4,19
Орочоны	33,06	41,33	63,87	56,31	3,06	2,36	1,61	1,09
Хэчжэ	29,26	39,42	65,71	57,12	5,03	3,46	3,42	1,76
Русские	25,69	31,26	66,15	64,11	8,16	4,63	4,88	2,50

Таблица составлена автором на основе источника: Чжоу Фан, Лэй Цзин. Цзеду «упу» дэ шаошу миньцзу жэнькоу (Комментарий к пятой переписи национальных меньшинств) // Чжунго миньцзу. 2003. № 9. С. 10.

(доля возрастной группы от 60 до 64 лет возросла на 4,15%, свыше 65 лет на 2,43%, группа с рождения до 14 лет сократилась на 8,95%). Наибольшее сокращение доли молодых заметно у хэчжэ и эвенков (на 10,16% и 9,9% соответственно). Демографическая ситуация говорит о процессах старения населения. Несмотря на то, что в настоящее время у всех этнических меньшинств заметна тенденция роста группы от 15 до 60 лет, т.е. лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, тем не менее в будущем это может вызвать ряд социальных проблем. Старение населения приводит к увеличению нагрузки на трудоспособных граждан, которые должны обеспечивать значительное в абсолютных величинах пожилое население и молодежь.

Возникновение такой демографической ситуации связано с действием нескольких факторов: во-первых, мероприятиями по сдерживанию роста населения (по мнению китайских демографов, идеалом в данной сфере должен быть нулевой прирост<sup>20</sup>); во-вторых, эти явления свидетельствовали о частичном завершении демографического перехода, по крайней мере среди части национальных меньшинств, особенно среди

корейцев, хотя коэффициент рождаемости снизился в Яньбяне на 12,53% с 18,2 до 5,67%, а коэффициент смертности колебался в пределах 6%)<sup>21</sup>. В-третьих, с повышением качества жизни населения — ростом доходов, уровня медицинского обслуживания и т.п.

Таким образом, рассматривая вопросы демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая, можно прийти к выводу о достаточно успешном, с точки зрения руководства КНР, решении проблемы расширенного воспроизводства. Однако сложившиеся тенденции в будущем могут привести к старению населения и новым трудностям. Хотя в настоящее время доля неханьцев, находящихся в трудоспособном возрасте, еще весьма велика, что вызывает проблему занятости населения.

Ускоренное развитие экономики национальных районов Северо-Восточного Китая способствовало увеличению доли индустриального производства и третьей сферы в региональном ВВП, изменению структуры промышленности и соответственно занятости населения. Так, за годы реформ (1978—1997) в Яньбянь-Корейском автономном округе численность работающих в первой сфере производства сократилась с 368,65 до 348,60 тыс. чел. (с 52,1 до 31,8%), а во второй и третьей, наоборот, возросла с 228,78 до 380,44 тыс. чел. (с 32,3 до 34,6%) и со 110,46 до 369,42 тыс. чел. (с 15,6 до 33,6%). Наибольший прирост наблюдался в третьей сфере<sup>22</sup>.

В начале 1990-х годов в правительственных кругах встал вопрос о реформе государственных предприятий, которые, как правило, являлись убыточными, и для поддержания экономического роста на прежнем уровне необходимо было часть из них закрыть или приватизировать. В результате этой реформы в национальных районах Северо-Восточного Китая достаточно резко изменилась структура занятости. Значительно сократилось число работающих на государственных объектах, а также на предприятиях коллективной формы собственности (см. табл. 3). Реакцией на данные

Таблица 3

**Структура занятости населения Яньбянь-Корейского автономного округа по предприятиям различных форм собственности (1978—2003 гг.), тыс. чел.**

Год	Всего	Государственные	Коллективные	Индивидуальные городские рабочие	Частные	Индивидуальные волостные рабочие	Другие
1978	707,90	285,26	86,17	—	—	335,96	0,50
1980	768,99	314,07	110,69	2,67	—	339,89	1,35
1985	961,53	375,16	167,89	25,17	—	389,96	3,32
1990	1104,96	439,15	179,06	39,03	4,65	439,45	2,30
1992	1132,83	463,81	169,40	47,31	5,03	442,12	1,58
1995	1128,54	453,53	123,94	93,73	13,85	411,52	3,51
1997	1098,47	440,26	99,99	105,66	20,69	391,24	5,64
1999	870,10	269,19	37,85	111,45	—	397,23	54,36
2003	803,75	193,56	16,84	—	35,50	—	68,98

Таблица составлена автором на основе источников: Яньбянь тунцзи няньцзянь — 1998 (Статистический ежегодник Яньбянь-Корейского автономного округа — 1998). Пекин, 1998. С. 77; Цзилинь тунцзи няньцзянь — 2000 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь — 2000). Пекин, 2000. С. 61; Цзилинь тунцзи няньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь — 2004). Пекин, 2004. С. 48—49.

процессы стало увеличение доли занятости на частных предприятиях, а также распространение самозанятости, особенно в городах и поселках (рост индивидуальных рабочих с 1980 по 1999 г. составил 13,92%, доля индивидуальных рабочих за этот период увеличилась с 44,54% до 58,46%).

Реформы в государственном секторе экономики привели не только к изменению структуры занятости, но и к росту безработицы. В трех провинциях Северо-Восточного Китая высока доля государственных промышленных объектов. В 2002 г. насчитывалось 1,144 млн. чел. зарегистрированных безработных по городам трех провинций, т.е. 19,2% данной категории безработных по всей стране. Индекс безработицы составлял на этот год 7,2%, что более чем в 2 раза выше среднего показателя по стране (3,1%)<sup>23</sup>. Это привело к повышению социальной нестабильности в регионе. По сообщениям ряда источников, в пров. Ляонин проходили забастовки рабочих, а в начале 2000 г. шахтеры три дня удерживали железнодорожную станцию в знак протеста<sup>24</sup>. К сожалению, статистические материалы, а также другие источники не содержат данных о численности безработных в национальных районах Северо-Восточного Китая<sup>25</sup>.

Одним из показателей социального неблагополучия является миграция; ее масштабы (по крайней мере, среди корейцев) относительно высоки. Исследователи выделяют три основных направления корейской миграции: из сельской местности в крупные города Дунбэя в пров. Хэйлунцзян (до 40%); в прибрежные районы Восточного Китая и столичные города; третье направление связано с эмиграцией в Южную Корею<sup>26</sup>. В крупных городах Китая корейцы, как правило, работают на совместных китайско-корейских предприятиях, так как у них нет проблем с коммуникацией.

Еще одно направление миграции китайских корейцев, не отмеченное исследователями, — Дальний Восток России, где они работали в сети розничных рынков. К сожалению, точное число корейцев, работавших на рынках, указать невозможно, так как пограничная статистика вела учет лишь по гражданской принадлежности и не фиксировала национальность приезжающих.

Руководство Яньбянь-Корейского автономного округа создавало условия для развития трудовой миграции. Китайское информационное агентство Синьхуа распространило сообщение, что в мае 2001 г. Постоянный комитет Собрания Народных Представителей пров. Цзилинь утвердил Положение «О развертывании сотрудничества с зарубежными странами в сфере предоставления рабочей силы». Настоящий документ был разработан специалистами администрации Яньбяня<sup>27</sup>, но, сколько корейских рабочих смогло выехать за рубеж на работу, не сообщалось.

Способом борьбы с безработицей являлось развитие многоукладности экономики, самозанятости населения. Доля работников, занятых на государственных предприятиях, сокращалась, тогда как число работающих на предприятиях коллективной и других форм собственности, наоборот, росло. Важной проблемой социального развития КНР является

поддержание стабильного роста доходов граждан, уровня потребления, а также сокращение диспропорций в доходах городского и сельского населения. В этой сфере социальной политики властей можно увидеть как несомненные успехи, так и определенные недостатки.

На первом этапе экономической реформы необходимо было решить проблему по достижению минимального уровня «тепла и сытости», вывести значительную часть населения из нищеты. В районах проживания неханьских национальностей пров. Хэйлунцзян за 1980-е годы был достигнут определенный прогресс в этом направлении. Так, в 1987 г. среднегодовые доходы на душу населения в местах проживания этнических меньшинств составили 450 юаней. В 1982 г. в уезде Фанчжэн среднегодовые доходы населения равнялись 86 юаням, при этом проживавшие в уезде корейцы имели доход в 356 юаней, соответственно другие национальности не дотягивали по данному показателю даже до 86 юаней. Однако через четыре года заработки местного населения увеличились в среднем до 445 юаней (в 4,2 раза), а корейцев — до 762 юаней (только в 2,2 раза)<sup>28</sup>. Среди национальности хэчжэ средние доходы с 1980 по 1985 г. возросли от 500 до более 600 юаней<sup>29</sup>.

В пров. Ляонин, в местах проживания маньчжуров, уровень благосостояния выше, чем среди национальностей пров. Хэйлунцзян, однако разрыв в доходах между городским и сельским населением был очень высок. В середине 1980-х годов средние расходы рабочих и служащих составляли 1642 юаней, а крестьян — только 643 юаней (разрыв на 999 юаней)<sup>30</sup>.

В пров. Хэйлунцзян в 1990 г. насчитывалось 56 862 корейских домохозяйства, из них с доходами свыше 1000 юаней было 28,27%, 501—1000 юаней (52,56%), 401—500 юаней (10,97%), 301—400 юаней (6,11%), и доходы ниже 300 юаней получали лишь 2,09% корейских домохозяйств<sup>31</sup>. Таким образом, можно констатировать, что степень социальной дифференциации была весьма небольшой и основное население имело средние достатки по местным меркам.

Несколько иная ситуация сложилась в корейских национальных волостях пров. Цилинь, где разрыв в доходах был не столь существенным, как в пров. Хэйлунцзян. Колебание составило от 525 до 783 юаней<sup>32</sup>, т.е. население в основном имело средние доходы, не разделяясь на зажиточных и нищих.

Заметные изменения в уровне благосостояния заметны и в Яньбянь-Корейском автономном округе. Средняя заработная плата рабочих государственных компаний и предприятий коллективной формы собственности возросла с 652 юаней в 1978 г. до 2202 юаней в 1992 г., т.е. в 3,37 раз. Наибольшие заработки получали занятые в государственном секторе. На первых этапах реформ (1978—1992) заработная плата увеличилась с 733 до 2425 юаней, т.е. в 3,30 раз. На коллективных предприятиях за тот же период повышение средних доходов работников составило 1137 юаней (с 404 до 1541 юаней, т.е. в 3,81 раз). Таким образом, заработная плата на государственных предприятиях повышалась несколько



медленнее, чем в компаниях коллективной формы собственности, что отчасти связано с изначальным большим ее размером<sup>33</sup>.

В 1990—2000-е годы увеличение доходов населения продолжалось во всех районах национальной автономии Северо-Восточного Китая. Так, в 1999 г. средняя заработная плата персонала предприятий различных форм собственности составляла 4699 юаней в пров. Ляонин, 6078 юаней в пров. Цзилинь и 4487 юаней в пров. Хэйлунцзян. При этом наивысшая заработная плата по-прежнему была у сотрудников государственных предприятий (за исключением пров. Цзилинь, где работники частных компаний имели средний доход 7146 юаней)<sup>34</sup>. В Яньбянь-Корейском автономном округе увеличение средней заработной платы с 1992 по 2003 г. составило 7465 юаней (с 2202 до 9667 юаней, т.е. в 4,39 раз).

Несмотря на повсеместное увеличение фонда оплаты труда, в национальных районах сохранялись диспропорции в доходах городского и сельского населения. В Яньбяне с 1978 по 1997 г. доходы горожан и жителей поселков возросли в 11,59 раз, а селян — только в 9,08 раз (см. табл. 4).

Таблица 4

**Среднегодовые доходы городского (поселкового) и сельского населения  
Яньбянь-Корейского округа (1978—1997 гг.), в юанях**

Год	Средние доходы	Городское население	Сельское население	Доля в среднегодовом доходе (=100%), в %	
				Городское население	Сельское население
1978	266	333	217	125,18	81,57
1980	358	467	265	130,44	74,02
1985	658	772	539	117,32	81,91
1990	1257	1610	816	128,08	64,91
1992	1641	2160	969	131,62	59,04
1995	2803	3578	1661	127,64	59,25
1997	3124	3862	1971	123,62	63,09

Таблица составлена автором на основе источника: Яньбянь тунци няньцзянь — 1998 (Статистический ежегодник Яньбянь-Корейского автономного округа — 1998). Пекин, 1998. С. 160.

В 2000 г. во всех национальных районах пров. Цзилинь средние доходы городских и поселковых рабочих составляли 3572 юаней, а доходы сельских жителей — 2124 юаней<sup>35</sup>. Эти диспропорции приводили к оттоку населения из деревень в города, что обостряло ситуацию на рынке труда, возникали проблемы с трудоустройством избыточной рабочей силы. Китайские власти активизировали развитие трудоемких отраслей, таких как добывающая промышленность, строительство крупных промышленных объектов и транспортной инфраструктуры, сфера услуг и т.д.

Рост доходов населения является важнейшим достижением социальной политики китайского руководства. Тем не менее, уровень благосостояния складывается еще и из объемов расходов на питание, одежду, оплату коммунальных услуг. При исключении этих составляющих из совокупного дохода домохозяйств картина уровня жизни населения несколько меняется.

Среднегодовые доходы городских и сельских домохозяйств неханьских национальностей трех Северо-Восточных провинций КНР в 1999 г.

составили 1834,73 юаней, расходы — 1288,75 юаней, таким образом, чистый доход определялся в 545,98 юаней. Наивысшие доходы получали домохозяйства пров. Цзилинь — 2226,85 юаней, при этом чистый доход составил 1148,86 юаней; наименьшие в пров. Хэйлунцзян, что связано со значительно большей отсталостью районов проживания национальных меньшинств от других аналогичных регионов Дунбэя<sup>36</sup>.

О повышении жизненного уровня свидетельствовала и изменившаяся структура потребления. В 2003 г. средние доходы городских домохозяйств составляли 5614,05 юаней, чистый доход — 671,60 юаней. При этом расширился круг затрат. Основные статьи расходов связаны не только с оплатой жилищных услуг, приобретением питания и одежды, но и с оплатой медицинских, образовательных услуг, а также появились затраты на отдых и приобретение товаров длительного пользования (бытовой техники и т.п.)<sup>37</sup>. Стоит отметить, что доходы сельских домохозяйств оставались более скромными: средний уровень доходов ограничивался 2043,75 юанями, расходов — 1592,77, чистый доход — 450,98 юаней. При этом в пров. Хэйлунцзян дефицит бюджета домохозяйств оценивался в 288 юаней, недостаток, вероятно, покрывался за счет государственных льгот, банковских кредитов и, возможно, за счет недекларируемых доходов<sup>38</sup>.

Еще один критерий роста благосостояния среди неханьцев связан с увеличением банковских вкладов и потребительских кредитов. В 1999 г. объем банковских депозитов в национальных районах составлял: в пров. Ляонин — 13 421,79 млн. юаней, в пров. Цзилинь — 22 421,29 млн. юаней, в пров. Хэйлунцзян — 594,19 млн. юаней. Соответственно объем кредитов населению по трем провинциям составлял 11 836,09; 29 975,72 и 876,04 млн. юаней. Основную часть банковских депозитов (36 437,27 млн. юаней по трем провинциям, 86,81%) представляли так называемые вклады «на черный день»<sup>39</sup>. В 2003 г. объем таких вкладов увеличился до 44 851,0 млн. юаней. Рост накопления, возможно, свидетельствует о неуверенности в будущем, что является следствием быстрого темпа изменений социально-экономической обстановки в регионе.

Немаловажное значение в повышении уровня жизни имеют условия проживания граждан, обеспеченность их жильем. Проведение жилищной реформы — труднейший компонент в улучшении качества жизни населения, что объясняется значительной его численностью. Суть этой реформы сводилась к постепенному переходу от системы аренды жилых помещений к их продаже, для этого государство предлагало ипотечные кредиты сроком до 20 лет.

Так, в Яньбянь-Корейском автономном округе квадратура на одного жителя города возросла с 5,1 до 8,0 кв. м в период 1990—1997 гг. Сельские жители имели несколько лучшие условия проживания: на душу населения приходилось 7,8 кв. м жилья в 1990 г. и 8,7 кв. м в 1997 г.<sup>40</sup> Высокие темпы строительства городского жилья объяснялись большей динамикой развития этого типа поселений. Города округа становились крупными

региональными центрами обработки экспортных грузов, в них сосредоточивались университеты и другие культурные объекты, увеличивался приток иностранных и отечественных туристов.

К 2003 г. объемы жилищного строительства значительно возросли, в пров. Цзилинь в среднем на одного жителя приходилось уже 19,1 кв. м жилой площади, в провинции Ляонин — 18,6 кв. м и Хэйлунцзян — 18,0 кв. м<sup>41</sup>. Но рост жилищного строительства на селе был ниже, тем не менее в деревнях разразился настоящий строительный бум<sup>42</sup>.

Таким образом, социальная направленность проводимых китайским руководством реформ не вызывает сомнений. За короткий по историческим меркам срок правительство смогло добиться значительного повышения уровня благосостояния населения, что выразилось в росте доходов граждан, уровня потребления различных услуг и т.п. Несмотря на абсолютное увеличение доходов, проблема сокращения диспропорций между городом и деревней сохранилась.

Одна из задач экономической реформы состоит в повышении уровня здоровья нации. За короткий промежуток времени достигнуты значительные успехи в области охраны здоровья населения. Средняя продолжительность жизни достигла 71 года, коэффициент детской смертности в пределах 5 лет снизился до 42% (1999 г.). Повсеместным стал охват детей до 1 года вакцинацией от различных инфекций<sup>43</sup>, что во многом объяснялось созданием разветвленной сети медицинских учреждений, подготовкой медицинского персонала. В национальных районах Северо-Восточного Китая создавались условия для повышения уровня здоровья населения. Так, детская смертность среди маньчжуров и корейцев стала ниже, чем в среднем по стране, в том числе и среди ханьцев<sup>44</sup>.

Большое значение для повышения качества медицинского обслуживания придавалось расширению сети лечебных учреждений, увеличению персонала больниц, санаториев, женских консультаций и др. В Яньбянь-Корейском автономном округе количество медицинских учреждений с 1978 по 1990 г. возросло с 629 до 802, затем началось постепенное их сокращение, связанное с укрупнением (617 в 1997 г.). Несмотря на это, число больничных койко-мест увеличилось: 7326 — в 1978 г., 9468 — в 1990 г. и 9617 — в 1997 г. Таким образом, на одну тысячу человек приходилось 4,2, 4,6 и 4,4 койко-мест<sup>45</sup>.

На рубеже XX—XXI вв. в национальных районах Дунбэя произошло некоторое сокращение численности медицинских учреждений и койко-мест в них (см. табл. 5), вызванное реформой системы медицинского обеспечения. В Китае происходит развитие страховой медицины, поэтому ряд больниц, стационаров и других объектов становятся нерентабельными и их приходится закрывать.

Объем медицинского персонала со временем менялся. С 1978 по 1997 г. в Яньбяне число медицинских работников возросло с 10 248 до 18 380 чел.<sup>46</sup>, чему во многом способствовала организация медицинского университета в автономном округе. Общее количество персо-

Таблица 5

**Число медицинских учреждений и койко-мест в районах национальной автономии Северо-Восточного Китая (1999—2003 гг.)**

Провинция	Количество медицинских учреждений		Количество койко-мест, тыс.	
	1999	2003	1999	2003
Ляонин	302	343	10,616	9,948
Цзилинь	327	330	11,450	9,867
Хэйлунцзян	20	20	0,321	0,273
Итого	649	693	22,387	20,088

Таблица составлена автором на основе: Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь — 2000 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2000). Пекин, 2000. С. 611; Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004). Пекин, 2004. С. 463.

нала лечебных учреждений национальных районов трех Северо-Восточных провинций в 1999 г. достигло 36 255 чел., а в 2003 г. — только 34 420 чел. Значительное сокращение медицинских работников произошло в пров. Цзилинь (с 21 130 до 18 377 чел.), в других провинциях их численность возросла<sup>47</sup>.

Социальной проблемой в местах проживания неханьских национальностей является распространение алкоголизма. В публикациях китайских ученых неоднократно обращалось внимание на алкоголизацию орочонов, одного из тунгусо-маньчжурских народов, проживающих в пров. Хэйлунцзян и Внутренней Монголии. Хун Шижун отметил, что смертность от алкоголизма среди орочонов в 1954 г. составляла 15%, а в 1986 г. — 80,3%<sup>48</sup>. Подобные явления распространены и среди народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, родственных коренным народам Маньчжурии. Российский ученый Е.А. Пивнева выделила несколько причин, вызывающих стремительную алкоголизацию этих народов: во-первых, биологическая специфика, «...которая является продуктом длительного приспособления организма человека к условиям среды обитания», т.е. генетические особенности; во-вторых, спаивание населения различного рода торговцами и промысловиками; в-третьих, результат социальной дезадаптации аборигенов, проявившейся в результате ускоренного изменения традиционного уклада жизни<sup>49</sup>.

Среди орочонов КНР все эти факторы имели место. Так, в начале XX в. в Маньчжурии русские и китайские промысловики использовали местных жителей для развития производства: нанимали на работу, обменивали пушнину на различные товары, в том числе и алкоголь<sup>50</sup>. С образованием КНР орочоны стали объектом социальных экспериментов. В сжатые сроки они начали менять образ жизни, в том числе в хозяйственной деятельности. Если традиционно они занимались охотой, теперь им пришлось развивать скотоводство, лесоводство, а также земледелие. Сегодня представители этого народа в основном ведут оседлый образ жизни, получают различного рода дотации от государства, что и приводит к социальной дезадаптации<sup>51</sup>.

Создание системы социальной защиты и социального обеспечения является одной из сложнейших задач, стоящих перед правительством

страны. Можно предположить, что уровень распространения такой системы в рассматриваемом регионе примерно равен среднему по стране, так как в целом национальные районы Северо-Востока сравнительно благополучные по отношению к другим.

Итак, экономическая реформа и вызванный ею экономический рост в районах национальной автономии Северо-Восточного Китая стал важной предпосылкой развития социальной сферы региона. Уровень благосостояния населения за последние десятилетия возрос в несколько раз, сократилось число бедных семей. Увеличение доходов способствовало расширению потребления, что выразилось в повышении затрат на приобретение товаров длительного пользования, образование, медицинское обслуживание, рекреационные услуги и т.п. Значительно обновилась сеть медицинских учреждений, в работе которых участвует все большее число высококвалифицированных кадров. Все это — свидетельство реального повышения качества жизни неханьских национальностей Северо-Востока Китая.

Тем не менее сохраняются и нерешенные проблемы. Основная из них — все более возрастающие диспропорции в уровнях социально-экономического развития между районами проживания этнических меньшинств и остальными территориями трех Северо-Восточных провинций. Доля районов неханьских национальностей в ВВП провинций, несмотря на значительное абсолютное увеличение индекса ВВП автономий, сокращалась<sup>52</sup>. Эти диспропорции породили миграцию населения из национальных районов в более развитые ханьские регионы КНР, а также в Республику Корея. Не решены проблемы ликвидации диспропорций в уровне доходов городского и сельского населения, безработицы, создания системы социального обеспечения граждан.

---

<sup>1</sup> Дэн Сяопин *вэньсюань* (Дэн Сяопин. Избранные произведения). Пекин, 1998. Т. 2. С. 182.

<sup>2</sup> XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1982. С. 23.

<sup>3</sup> Там же. С. 28—29.

<sup>4</sup> XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы и материалы. М.: Политиздат, 1983. С. 12, 36.

<sup>5</sup> Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. С. 129.

<sup>6</sup> Цзян Цзэминь. Ускорить процесс реформы, расширения внешних связей и модернизации, добиться более значительной победы в строительстве социализма с китайской спецификой // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность: статьи и выступления. М., 2002. С. 73.

<sup>7</sup> Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 43—44.

<sup>8</sup> Там же. С. 83—84.

<sup>9</sup> Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК <2> [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118053.htm> [Дата обращения 16.10.2004].

- <sup>10</sup> О стратегии реформ в национальных районах КНР см.: Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978—2002 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4; Он же. Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007.
- <sup>11</sup> Yusuf F., Byrnes M. Ethnic Mosaic of Modern China: An Analysis of Fertility and Mortality Data for the Twelve Largest Ethnic Minorities [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://www.index-china.com/minority/minority-study.html> [Дата обращения 07.05.2005].
- <sup>12</sup> Aird J. The Preliminary Results of China's 1982 Census // *The China Quarterly*. 1983. Vol. 96. P. 619.
- <sup>13</sup> Zhang Tianlu. Population Growth Among China's Minorities // *China Reconstructs*. 1983. N 11. P. 47.
- <sup>14</sup> Москалев А.А. и др. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.) / РАН. Ин-т Дальнего Востока. Информ. бюл. № 2. М.: ИДВ РАН, 1996. Ч. 2. С. 53—54; см. также: Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М.: Вост. лит., 1996. С. 44—45.
- <sup>15</sup> Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств... С. 32—33; См.: Чжан Тянь. Чжунго шаошу миьнцзу жэнькоу уши нянь (Народонаселение национальных меньшинств Китая за 50 лет) // *Миьнцзу туанцзе*. 1999. № 10. С. 43.
- <sup>16</sup> Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости (Принят 29 декабря 2001 г. на 25-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва) // *Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ: информ. материалы ИДВ РАН*. Сер. Д.М.: ИДВ РАН, 2003. С. 87.
- <sup>17</sup> Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств... С. 57.
- <sup>18</sup> См.: Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.): М.: ИДВ РАН, 2004. С. 198—209.
- <sup>19</sup> Kwang Kyu Lee. The Transformation of Korean Chinese Ethnic Identity // *Korean and Korean American Studies Bulletin*. 2001. N 1. P. 65; Kim Si Joong. The Economic Status and Role of Ethnic Koreans in China // *The Korean Diaspora in the World Economy / International Institute for Economy*. Special report 15. Б.м., 2003. P. 106.
- <sup>20</sup> См.: *Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ*. М.: ИДВ РАН, 2003.
- <sup>21</sup> См.: Вишневский А.Г. Демографическая революция // *Избранные демографические труды*. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 5—214.
- <sup>22</sup> Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. Приложение 20.
- <sup>23</sup> Алексахина С.Н. Северо-Восточный регион КНР: проблемы и предпосылки устойчивого развития // *Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. XV междунар. науч. конфер. «Китай, китайская цивилизация и мир»*. М.: ИДВ РАН, 2005. Ч. 1. С. 85; см. также: Островский А.В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 313—322, 359—370.
- <sup>24</sup> Государство и общество в Китае на пороге XXI века: информ. материалы ИДВ РАН. Сер. В. Вып. 8. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 91.
- <sup>25</sup> В Китае безработица регистрируется только в городах и среди лиц, чей возраст не достигает 50 лет. Поэтому уровень безработицы в стране в 8 млн. чел. (в 2003 г.) может отражать лишь долю действительности.
- <sup>26</sup> Kwang Kyu Lee. The Transformation of Korean Chinese Ethnic Identity... P. 62—63.
- <sup>27</sup> [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://www.asiatimes.narod.ru/news2001/0209/xin02.htm> [Дата обращения 26.03.2004].

- <sup>28</sup> Соловьев Ф.В. Во имя процветания: Об экономическом развитии малых народностей провинции Хэйлунцзян // У карты Тихого океана. Владивосток, 1989. № 12. С. 28.
- <sup>29</sup> Хэйлунцзян шэн чжи. Гунчандан чжи (Описание пров. Хэйлунцзян. КПК). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. С. 524.
- <sup>30</sup> Хэ Пуинь, Се Цюньхуа. Ляодун маньцзу дицюй цзинци фачжань тэчжэн цзи сяньдайхуа цзяньшэ дэ дуйцэ (Предложения по развитию модернизации экономики маньчжурских районов Ляодуна) // D5. Миньцзу яньцзю. 1994. № 5. С. 63.
- <sup>31</sup> Цзин Хогао. Чжунго чаосяньцзу миньцзу сян шэхуй чжуанкуан цзяньси (Краткий очерк социального развития корейских волостей Китая) // D 5. Миньцзу яньцзю. 1994. № 4. С. 77.
- <sup>32</sup> Там же. С. 79.
- <sup>33</sup> Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК... Приложение 22.
- <sup>34</sup> Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2000 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2000). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2000. С. 539—540.
- <sup>35</sup> Жэнь Айго. Цзилинь шэн шаошу миньцзу жэнькоу чжуанкуан цянсьи (Предварительный анализ положения в народонаселении национальных меньшинств пров. Цзилинь) // Чжунго миньцзу. 2003. № 9. С. 20.
- <sup>36</sup> Рассчитано по: Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2000... С. 542.
- <sup>37</sup> Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая — 2004). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2004. С. 313—314.
- <sup>38</sup> Рассчитано по: Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004... С. 315.
- <sup>39</sup> Там же. С. 535.
- <sup>40</sup> Яньбянь тунци няньцзянь — 1998 (Статистический ежегодник Яньбянь-Корейского автономного округа — 1998). Пекин: Тунци чубаньшэ, 1998. С. 159.
- <sup>41</sup> Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004... С. 317.
- <sup>42</sup> Социальные последствия рыночных преобразований в КНР.. С. 211.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> Жэньминь жибао. 1993. 14 июня.
- <sup>45</sup> Яньбянь тунци няньцзянь — 1998... С. 310.
- <sup>46</sup> Там же. С. 311.
- <sup>47</sup> Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2000... С. 617; Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004... С. 467.
- <sup>48</sup> Хун Шижун. Олуьчуньцзу фачжань чжихуань иньсу чуи (Мнение относительно застоя в развитии ороочнов) // Чжунго шаошу миньцзу. 1991. № 8. С. 96—97; Ван Юй. Дуй олуьчунь миньцзу шэнчань чжуаньсян вэньти дэ таньгао (К проблеме производственных изменений у ороочновской нации) // Чжунго шаошу миньцзу. 1992. № 4. С. 69. Хун Шижун также приводит сведения о заболеваемости туберкулезом. В различных районах уровень заболеваемости колеблется от 19 до 50%.
- <sup>49</sup> Пивнева Е.А. Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя: Народы Сибири и Севера в постсоветских трансформациях. М.: Наука, 2005. С. 72—79.
- <sup>50</sup> Байков Н.А. Промыслово-охотничьи угодья Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1929. № 11. С. 86—87; Хасанова М.М. Проблема контактов населения Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб.: Европейский дом, 2001.
- <sup>51</sup> Ван Юй. Дуй олуьчунь миньцзу шэнчань чжуаньсян вэньти дэ таньгао... С. 69.
- <sup>52</sup> См.: Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК... Приложение 6.

**SUMMARY:** Ivan Stavrov, Candidate of Historical Sciences, in his article “Social Development of National Regions of North East China. 1978—2002” tells about the economic reform and economic growth that depends on it. There are given facts that confirm the development of social sphere in the region. Nevertheless, the author thinks, there are some unsettled questions.